

На правах рукописи

**МУСЛЕХ ХУСАМА Р
(ПАЛЕСТИНА)**

**СТРАТЕГИЯ УБЕЖДЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(на материале выступлений британских, российских и арабских
политиков)**

Специальность – 10.02.20 –

Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное
языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной
степени кандидата филологических наук

Москва - 2018

Работа выполнена на кафедре иностранных языков филологического факультета ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

Научный руководитель:

доктор филологических наук (10.02.20), профессор, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»
Ларина Татьяна Викторовна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук (10.02.19), профессор, заведующая кафедрой английской филологии ФГАОУ ВО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина»
Иванова Светлана Викторовна

кандидат филологических наук (10.02.20), доцент кафедры восточных языков ОЧУ ВО «Институт стран Востока» **Крылов Александр Юльевич**

Ведущая организация:

ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет)»

Защита состоится 07 сентября 2018 года в 12:00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.203.12 при ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, зал №1.

С диссертацией можно ознакомиться в Учебно-информационном центре (Научной библиотеке) Российского университета дружбы народов по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Объявление о защите и автореферат диссертации размещены на сайтах: <http://vak.ed.gov.ru> и <http://dissovet.rudn.ru>.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2018 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета Д 212.203.12
кандидат филологических наук, доцент

Нелюбова Н.Ю.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая работа представляет собой сопоставительное исследование способов реализации стратегии убеждения в политическом дискурсе (в дальнейшем – ПД) в выступлениях британских, российских и арабских политиков, проведенное в рамках политической лингвистики, критического дискурс-анализа и лингвопрагматики.

Стратегия убеждения играет особо важную роль в политическом дискурсе, который представляет собой определенным образом направленную деятельность государства и его представителей на массового адресата.

Актуальность исследования определяется тем, что оно созвучно современным общетеоретическим задачам политической лингвистики вообще и подтверждает значимость сопоставительного изучения национальных политических дискурсов с позиций определения языковой картины мира и языкового сознания, а также изучения доминантных черт стилей коммуникации, в данном случае политической. Изучение стратегий, тактик и средств убеждения в сопоставительном аспекте представляется актуальным, по меньшей мере, по двум основным причинам. Во-первых, оно необходимо для понимания намерений сторон политического диалога и принятия адекватных решений. Во-вторых, знание этнокультурных особенностей политического дискурса в разных языках способствует формированию навыка их использования в целях наиболее эффективной реализации прагматических задач политического дискурса, учитывая такие современные тенденции, как мультимодальность и медиализация.

Объект исследования – макростратегия убеждения в английском, русском и арабском политическом дискурсе.

Предметом исследования являются стратегии, тактики и средства, используемые британскими, российскими и арабскими политиками для реализации макростратегии убеждения в политическом дискурсе.

Гипотеза исследования: в современной геополитической ситуации стратегия убеждения становится важнейшей стратегией политического дискурса, которая приобретает новые способы и средства реализации, обладающие как универсальными, так и этнокультурными чертами, знание которых способствует эффективному решению коммуникативных задач.

Цель исследования – провести сопоставительный анализ стратегии убеждения в английском, русском и арабском политическом дискурсе, определить этнокультурную специфику способов и средств ее реализации и попытаться объяснить их через особенности культуры, менталитета и этнокультурных стилей коммуникации.

Для достижения данной цели были определены следующие **задачи исследования:**

- 1) изучить теоретические проблемы политического дискурса в современной лингвистике;
- 2) рассмотреть современные методы анализа политического дискурса;

- 3) уточнить место стратегии убеждения среди других стратегий политического дискурса;
- 4) рассмотреть соотношение убеждения и манипуляции как способов воздействия;
- 5) выявить стратегии, тактики и средства убеждения в выступлениях британских, российских и арабских политических деятелей и провести их комплексный сопоставительный анализ с целью выявления общих и отличительных черт;
- 6) попытаться объяснить выявленные этнокультурные особенности через особенности культур и этнокультурных стилей коммуникации.

Специфика изучаемого предмета и поставленные в работе задачи определили **методы исследования**. Исследование было проведено с позиций критического дискурс-анализа, межкультурной лингвопрагматики и теории этнокультурных стилей коммуникации с применением методов сопоставительного, когнитивного, лингвокультурологического, стилистического анализа, риторического метода, количественного метода, метода сплошной выборки для сбора первичного материала, а также видеоанализа. Используемые методы условно можно разделить на две группы — собственно лингвистические и междисциплинарные. Данные методы не являются взаимоисключающими: один и тот же образец дискурса может быть проанализирован с риторической и когнитивной точек зрения, с помощью количественного метода, а также с позиций критического дискурс-анализа, лингвоидеологии и др. Комплексное применение данных методов анализа позволяет наиболее полно обрисовать картину устройства и функционирования политического дискурса, получать данные о состоянии общественного сознания и общественно-политических проблемах.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые:

- рассмотрена стратегия убеждения на материале арабского, русского и английского языков;
- сопоставительный анализ средств реализации стратегии убеждения проводился на материале 6 жанров политического дискурса, что позволило выявить специфику и особенности политической коммуникации в английском, русском и арабском языках на широком материале;
- основная часть проанализированных фрагментов представлена видеоматериалом (90 %), сопоставительный анализ которого осуществлялся с позиций мультимодальности с учетом вербальных, паравербальных и невербальных средств реализации стратегии убеждения;
- предпринята попытка объяснить выявленные различия через особенности культур, коммуникативных ценностей и этнокультурных стилей коммуникации.

Методологической базой исследования послужили труды российских и зарубежных ученых в области: дискурс-анализа, в том числе в сопоставительном аспекте (В.С. Григорьева, К.Ф. Седов, М.Л. Макаров, L. Alba-Juez, T. Dubrovskaya, A. Sowińska и др.), критического дискурс-анализа

(Н.И. Клушина, С.Н. Плотникова, В.Е. Чернявская, А.П. Чудинов, Т. А. van Dijk, N. Fairclough, R. Hodge, G. Kress, M. Reisigl, R. Wodak и др.), политической лингвистики (А.А. Горностаева, Т.В. Дубровская, С.В. Иванова, Ю.В. Ключев, А.Ю. Крылов, О.Л. Михалева, О.А. Солопова, О.Н. Паршина, О.А. Романов, Р.Т. Садуов, Н.П. Серов, А. П. Чудинов, Е.И. Шейгал, J. Charteris-Black, P. Chilton, D. Ponton и др.), теории коммуникации и теории речевого воздействия (О.С. Иссерс, Т.С. Комиссарова, Г.А. Копнина, О.Л. Михалева, Г.Г. Почепцов, Е.А. Репина, И.А. Стернин, Е.В. Шелестюк, Н. Halmari, T. Virtanen, J. Quam, M. Ryshina-Pankova и др.), жанроведения (Н.Ф. Алефиренко, Т.А. Дедушкина, В.В. Дементьев, Б.С. Каримова, А.А. Кибрик, И.В. Шерстяных и др.), коммуникативной этностилистики (W. Gudykunst, S. Ting-Toomey, Т.В. Ларина), культурологии (G. Hofstede, E. Hall, N. Triandis и др.).

Материалом исследования послужили выступления известных британских, российских и арабских политиков конца XX – начала XXI вв., среди которых М. Тэтчер, Т. Мэй, Д. Кэмерон, С.В. Лавров, В.В. Жириновский, В.В. Путин, Саддам Хусейн, Ясер Арафат, Анвар Аль-Садат. Нами рассматривались как печатные тексты (10%), так и видео-выступления политиков (90%). Общий объем проанализированного материала составил 200 страниц и 60 часов просмотра. Признавая тот факт, что дискурс политика отражает черты его идиостиля, мы, тем не менее, ставили перед собой задачу выявить некоторые общие характеристики, которые позволяют говорить об этнокультурных чертах рассматриваемых дискурсов, допуская при этом высокую степень генерализации, неизбежную в сопоставительных исследованиях. Отдельно следует отметить сложность анализа арабского политического дискурса, вызванную существованием стандартного литературного языка и диалектами как вариантами арабского языка. Литературный арабский язык (далее – ЛАЯ) является продолжением классического «языка Корана», а диалекты – это его варианты, на которых говорит большинство населения арабских стран. Каждая арабская страна имеет свой диалект, в некоторых имеется более, чем один. Выбор между литературным арабским языком и диалектом имеет важное значение, так как свидетельствует о разных намерениях оратора. Использование литературного арабского языка подчеркивает высокий уровень образованности, повышает степень формальности, а также свидетельствует об ориентированности политика главным образом на образованный класс населения. Использование диалекта повышает степень экспрессивности, снижает уровень формальности и свидетельствует об ориентированности на самые широкие слои общества, в том числе и менее образованные, которые испытывают трудности в понимании литературного языка. Этот выбор определяет весь стиль коммуникации, что мы попытаемся показать на примерах. Для анализа, как было ранее указано, мы выбрали трех ярких арабских политиков, которые представляют три главных диалекта арабского языка: Анвар Аль-Садат –

египетский диалект, Ясер Арафат – левантийский, Саддам Хусейн – иракский.

Так как политический дискурс представлен многочисленными жанрами, которые невозможно проанализировать в рамках одного исследования, в данной работе мы ограничились лишь некоторыми из них. В центре нашего внимания – теледебаты, пресс-конференции и выступления политиков (в ООН, в ходе предвыборных кампаний, в университетах и на конференциях и др.).

Все высказывания британских и арабских политиков мы даем в собственном переводе, целенаправленно приближая его к оригиналу с целью сохранения стилистического своеобразия. В целях облегчения восприятия текста перевод арабских текстов предшествует оригиналу.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно вносит определенный вклад в сопоставительное языкознание, политическую лингвистику, критический дискурс-анализ, социопсихолингвистику, риторiku, коммуникативную этностилистику, теорию речевого воздействия и другие междисциплинарные области исследований. В ходе проведенного сопоставительного исследования были уточнены способы убеждения в политическом дискурсе, конкретизированы тактики и средства ее реализации. Результаты комплексного сопоставительного анализа позволили выявить этнокультурную специфику реализации убеждения в английском, русском и арабском политическом дискурсе и показать их обусловленность культурой, коммуникативными ценностями и особенностями этнокультурных стилей коммуникации. Проведенное сопоставительное исследование в очередной раз показало, что анализ политического дискурса необходимо проводить с позиций мультимодальности и на основе комплексного междисциплинарного подхода, что позволяет получить новые данные и дать объяснение выявленным этнокультурным особенностям.

Практическая ценность работы состоит в том, что полученные результаты и выводы могут найти применение при разработке лекционных и практических курсов по стилистике, прагматике, политическому дискурсу, лингвокультурологии, теории коммуникации и риторике. Кроме того, результаты исследования могут быть использованы в практике преподавания иностранных языков и межкультурной коммуникации, поскольку они позволяют составить более полное представление о культуре, менталитете, а также об этнокультурных особенностях коммуникативного поведения представителей английской, русской и арабской лингвокультур.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Стратегия убеждения в современных политических условиях приобретает новые черты и пересекается с манипуляцией, что позволяет выделять манипулятивное убеждение, наблюдаемое в различных национальных дискурсах.
2. Стратегия убеждения представляет собой макростратегию политического дискурса, которая включает систему более частных стратегий и тактик,

реализующихся с помощью различных языковых, паравербальных и невербальных средств, роль которых возрастает в условиях интернетизации и медиализации.

3. Стратегии, тактики и средства реализации стратегии убеждения в политическом дискурсе варьируются в зависимости от языка, идиостиля и национально обусловленных моделей политиков.
4. В процессе убеждения на аудиторию оказывается как когнитивное, так и эмоциональное воздействие, соотношение которого в разных лингвокультурах различно: для английского политического дискурса в большей степени характерно когнитивное воздействие, в русском значительную роль играет также эмоциональное воздействие, в арабском политическом дискурсе эмоциональное воздействие является преобладающим.
5. Комплексный сопоставительный анализ национальных политических дискурсов позволяет выделить их этнокультурные черты, которые отражают особенности этнокультурных стилей коммуникации в целом и предопределяются типом культуры.

Степень доверенности и апробация результатов диссертационного исследования определяются объемом сопоставляемого материала. Основные положения и выводы исследования были апробированы в виде докладов на заседаниях кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН; представлены на научных и научно-практических конференциях: XV международная научно-практическая конференция «Наука в современном информационном обществе» (North Charleston, 2018) и др. По результатам исследования было опубликовано 5 статей, 4 из которых – в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура и объем диссертации определяются ее целью, задачами и языковым материалом. Диссертация состоит из Введения, трёх глав с выводами, Заключения, Списка использованной литературы, содержащего 305 теоретических источников. Общий объем диссертационного исследования – 228 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновываются выбор темы, актуальность и новизна исследования, определяются его цель, задачи, теоретическая и практическая значимость, называются основные методы, применяемые в ходе работы. Помимо этого, в данном разделе формулируются положения, выносимые на защиту, описываются материал исследования и структура работы.

В первой главе «Теоретические вопросы политического дискурса в современной лингвистике» дается характеристика политического дискурса, рассматриваются его формы и жанры, определяются функции политического дискурса, а также методы его анализа.

Политический дискурс – активно развивающаяся область лингвистических исследований. Изучение его стратегий и тактик, используемых дискурсивных практик относится к наиболее актуальным задачам политической лингвистики. Будучи междисциплинарным по своим базовым свойствам, политический дискурс интересует представителей политологии, социологии, психологии, социальной психологии, культурологии, риторики, специалистов по теории массовой коммуникации, теории воздействия и других исследовательских направлений. Результаты исследования политического дискурса выходят далеко за рамки лингвистики, на основе анализа дискурса и дискурсивных практик исследователи рассматривают межнациональные и межэтнические отношения (Т.В. Дубровская, А. Sowińska) и даже исследуют модели будущего отдельных стран (О.А. Солопова, А.П. Чудинов).

Существует широкое и узкое понимания политического дискурса. В узком понимании (Т. ван Дейк) политический дискурс – это строго определенный класс жанров, ограниченный политической сферой, дискурс является политическим лишь тогда, когда он сопровождает политический акт в политической обстановке, т.е. политический дискурс – это исключительно дискурс политиков¹. В широком понимании (Е.И. Шейгал, А.Н. Баранов и др.) политический дискурс содержит такие формы коммуникации, в которых к сфере политики имеет отношение хотя бы один из компонентов – субъект, адресат или содержание сообщения.

Политический дискурс определяется по-разному, однако все исследователи сходятся во мнении, что главной его целью является завоевание и удержание власти. Для достижения данной цели используются определенные дискурсивные технологии, предназначенные для реализации установок, стремлений и желаний власть имущих.

Как всякий институциональный дискурс, политический дискурс обладает собственным подъязыком (специальной лексикой, фразеологией и паремиологией), в результате он представляет собой феномен, суть которого может быть выражена формулой «дискурс = подъязык + текст + контекст»². Таким образом, политический дискурс – это широкое понятие, которое охватывает языковую систему, текст и речевую деятельность в совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов.

В данном исследовании под политическим дискурсом мы понимаем институциональное общение в сфере политической коммуникации, которое, используя собственный подъязык и систему стратегий и тактик воздействия на адресата, ставит своей целью борьбу за власть. Политический дискурс, как и любой другой, представляет собой единство и взаимодействие текста и контекста, включающего как ситуативный, так и социокультурный контекст.

¹ Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации: пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.

² Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. С.16.

Политический дискурс существует в различных формах и отличается разнообразием жанров. Основываясь на различных критериях, исследователи предлагают свои классификации жанров политического дискурса, сходясь в одном – многочисленные жанры политического дискурса имеют ориентацию на диалогичность.

Политический дискурс выполняет различные функции, важнейшими среди которых являются коммуникативная, побудительная, эмотивная и фатическая, которые в комплексе реализуют функцию воздействия.

Задача речевого воздействия – изменить поведение или мнение адресата в необходимом говорящему направлении. В связи с этим выделяются два основных вида воздействия – открытое воздействие (убеждение) и скрытое воздействие (манипуляция). Как отмечает Ван Дейк, разграничивая эти два вида воздействия, при *убеждении* за адресатом остается выбор, он может как принимать навязываемые ему идеи, так и отвергать их, совершать действия, к которым его побуждают или не совершать; при *манипуляции* роль адресата более пассивная, он не может противостоять манипуляции и становится ее жертвой.³

Коммуникативная стратегия убеждения в политической коммуникации может быть определена как совокупность стратегий воздействия на других членов политического процесса (политических оппонентов, электорат и т. д.) посредством вербального компонента, а также невербальной составляющей (невербальных средств воздействия, имиджа политика, его поведения во время публичных выступлений и т. д.).

Отдельный параграф данной главы посвящен методам анализа политического дискурса, среди которых риторический, дискурсивный, когнитивный, лингвоидеологический и количественный методы. Особое внимание уделяется критическому дискурс-анализу, который является как методом, так и современным активно развивающимся направлением дискурсологических исследований, изучающим язык как инструмент обнаружения социально обусловленных проблем общества. Рассматриваются важнейшие положения основных теоретиков данного направления, среди которых Т. Ван Дейк, Н. Фэрклаф, Р. Водак и др.

Критический дискурс-анализ, как и дискурс-анализ в целом, рассматривает язык как социальную практику, однако его отличительной чертой является то, что, наряду с социальным аспектом, в сфере его интересов оказываются язык и власть, властные отношения, которые приводят к социально-политическим проблемам – доминированию одних людей над другими, дискриминации, эксплуатации, неравенству, расизму – и которые находят свое отражение в языке.

Важной особенностью критического дискурс-анализа является его «трансдисциплинарный» характер⁴. Этот термин, принадлежащий Н. Фэрклафу, отличается от классической «междисциплинарности» тем, что

³ Van Dijk, T. Discourse and manipulation. *Discourse & Society*, 2006, 17 (2). P. 361.

⁴ Fairclough, N. *Language and Power*. London: Longman, 1989. P. 197.

подразумевает под собой не близость методов разных дисциплин, а их тесный диалог. Комплексный подход к критическому анализу дискурса дает возможность рассмотреть и проанализировать как давление со стороны власти, так и возможность противодействия ему в ситуациях неравенства и дискриминации.

Далее в данной главе обосновывается преимущество мультимодального подхода к анализу дискурса, предполагающего комплексное исследование всех компонентов знаковой коммуникации и моделей поведения – вербальных, паравербальных, невербальных, телесных и иных. Мультимодальность предоставляет собой инструментарий для исследования коммуникации во всей ее полноте, дает возможность исследовать семиотические объекты разнообразной природы.

Во второй главе «Стратегия убеждения в политическом дискурсе» убеждение рассматривается нами как вид воздействия, как речевой акт и как коммуникативная стратегия, выделяются и анализируются важнейшие стратегии и тактики убеждения, применяемые в политическом дискурсе, рассматриваются используемые для их реализации языковые и неязыковые средства.

Убеждение, наряду с манипуляцией, является одним из основных видов воздействия. Убеждение эксплицируется в речи с помощью логических доводов и аргументаций, в то время как манипуляция носит имплицитный характер и акцентируется не столько на логическом, сколько на эмоциональном воздействии. В процессе коммуникации сложно дифференцировать манипуляцию и убеждение. Часто убеждение и манипуляция пересекаются, в результате убеждение приобретает манипулятивный характер, что позволяет выделять третий вид речевого воздействия – *манипулятивное убеждение*⁵.

Как речевой акт убеждение обладает иллокутивной силой и может вызывать перлокутивный эффект (согласие, одобрение, удивление, страх и др.).

Процесс убеждения включает следующие элементы: *субъект* убеждения – органы власти, общественные организации, лидеры государств и политических партий, отдельные политические деятели, средства массовой информации и др.; *объект* убеждения – народ (аудитория) в целом либо отдельная социальная группа или партия, которую убеждает политик и т.д.; *средства* убеждения – речь, интонация, невербальное поведение – жесты, мимика, позы и иные семиотические знаки (одежда, цвет и т.д.).

Коммуникативная стратегия убеждения рассматривается нами как универсальная макростратегия, для реализации которой, политики используют более частные стратегии и тактики.

Существуют различные классификации стратегий убеждения. В данном исследовании мы придерживаемся классификации стратегий и

⁵ **Озюменко В.И.** Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции — к агрессии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 1. С. 217.

тактик, предложенной О.Н. Паршиной⁶, которая среди стратегий убеждения выделяет *аргументативную стратегию* и *агитационную стратегию*, в свою очередь реализующиеся с помощью различных тактик.

Аргументация направлена на убеждение адресата с помощью аргументов, где аргумент является средством убеждения, которое имеет речевую форму выражения и обращается к интеллектуальным способностям адресата и его личностным ценностям. Аргументативная стратегия в политическом дискурсе осуществляется при помощи специфических аргументативных тактик, среди которых тактика контрастивного анализа, тактика указания на перспективу, тактика обоснованных оценок и тактика иллюстрирования.

Тактика контрастивного (сопоставительного) анализа базируется на приеме сопоставления адресантом фактов, событий, результатов, прогнозов и т.д., что воспринимается адресатом в качестве убедительных аргументов. В качестве аргументов в тактике контрастивного анализа нередко применяются статистические данные и цифры, использование которых увеличивает уровень убеждающего воздействия.

Тактика указания на перспективу ориентирована на формулирование стратегических целей, позиций и планов политика. Адресант, анализируя политическую и экономическую ситуацию в стране, может прогнозировать ее развитие в будущем. Данная тактика может включать предлагаемое решение и предполагаемый результат.

Тактика обоснованных оценок предполагает наличие в высказывании политика аргументированных оценок, только такие оценки могут считаться аргументом в речи оратора. С помощью таких высказываний оратор пытается беспристрастно оценить предмет и аргументировать свою оценку.

Тактика иллюстрирования обнаруживается в употреблении фактов и примеров. Аргументация как правило базируется на реально существующих фактах, так как они считаются самым верным аргументом доказательства, в том случае, если они верно отобраны и непредвзято отображают событие. Особенно убедительными в этом случае считаются статистические данные.

Задача агитационной стратегии – это влияние главным образом на эмоции адресата для побуждения его к совершению конкретного действия с помощью эмоциональных средств. Данная стратегия реализуется через *тактику обещания* и *тактику призыва*, которые тесно взаимосвязаны. Призыв часто следует сразу же за многочисленными обещаниями оратора и завершает его речь.

В отдельном параграфе в данной главе рассматривается *манипулятивное убеждение*, которое характеризуется такими приемами, как дезинформация, уклонение от ответа, недосказанность, умалчивание, искажение фактов, необъективный отбор аргументов, произвольная трактовка информации, камуфлирование и парцеллирование информации,

⁶ Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дисс... д. филол. н. Саратов, 2005. 325 с.

изъятие информации из контекста, искажение истинных масштабов события (преуменьшение или преувеличение их значимости); подмена понятий, манипуляция с модусами мнения и знания, эксплуатация культурно-символического материала (стереотипов и архетипов), маскировка несостоятельных тезисов или аргументов и др. Манипулятивное убеждение достигается также через многократные повторы, использование эмоциональных средств воздействия, как вербальных, так и невербальных, обращение к культурным ценностям. Делается вывод о том, что убеждение чаще выражается в речи посредством логических доводов и аргументации, а манипулирование носит имплицитный характер и акцентируется не столько на логическом, сколько на эмоциональном воздействии, при этом в политическом дискурсе все эти приемы часто комбинируются.

Третья глава «Сопоставительный анализ реализации стратегии убеждения в английском, русском и арабском политическом дискурсе» представляет результаты комплексного сопоставительного анализа выступлений видных британских, российских и арабских политиков, среди которых: М. Тэтчер, Д. Кэмерон, Т. Мэй, В. В. Путин, С. В. Лавров, В. В. Жириновский, Саддам Хуссейн, Ясер Арафат, Анвар Аль-Садат.

Предметом анализа были стратегии, тактики, а также мультимодальные средства реализации стратегий убеждения. Опираясь на предложенную в Главе 2 классификацию стратегий и тактик, а также основные средства их реализации, описанные в ранее проведенных исследованиях, мы ставили задачу проследить, в равной ли степени они характерны для рассматриваемых дискурсов. Отдельное внимание уделялось эмоциональному аспекту убеждения, а также степени формальности / неформальности.

В работе в отдельных параграфах рассматриваются особенности реализации стратегии убеждения в выступлениях британских, российских и арабских политиков, которые в дальнейшем подвергаются сопоставительному анализу. В ходе сопоставительного анализа мы обращали внимание как на сходства, так и различия в реализации стратегии убеждения в анализируемых дискурсах, которые попытались объяснить через различия в этнокультурных стилях коммуникации и культурных ценностях.

Проведённый сопоставительный анализ выявил следующее:

Аргументативная стратегия используется чаще в английском ПД, что свидетельствует о том, что британские политики предпочитают воздействовать на разум адресата с помощью аргументов, доказательств и статистических данных:

- (1) *As a recent survey shows, of the 50 most successful European companies, the French have 8, Germany has 2, and 28 are British.* (M. Thatcher, 12.10.1990)

Как показывает недавнее исследование, из 50 наиболее успешных европейских компаний французских – 8, немецких – 2, а британских компаний – 28.

В русском политическом дискурсе данная стратегия тоже используется: российские политики в качестве аргументов часто используют цифры, статистические данные и факты:

- (2) *Мы продолжаем полагаться на МГИМО в качестве главной кузницы кадров для МИД: 80% всех принятых в МИД молодых людей на работу в этом году окончили либо МГИМО, либо Дипломатическую Академию «...» это подчеркивает лишний раз качество образования, которое здесь предлагается. И очень важно, что выпускники МГИМО занимают очень серьезные позиции в своих странах, в большинстве случаев они успешны в бизнесе, в политике, в журналистике, есть и министры, и главы государств. (С.В. Лавров, 02.09.2013)*

В арабском ПД, как показал наш материал, данная стратегия используется намного реже, чем в английском и русском, арабские политики предпочитают оказывать воздействие на эмоции адресата, а не на его сознание. Так, сопоставляя тактику контрастивного (сопоставительного) анализа в трех языках, мы обнаружили, что арабские политики, по сравнению с российскими и британскими, употребляют данную тактику крайне редко. В нашем материале она была обнаружена всего дважды.

В русском и английском ПД, напротив, тактика контрастивного анализа используется достаточно часто. При этом российские политики больше всего сопоставляют факты, относящиеся к сравнению главным образом России с Америкой и Европой:

- (3) *Посмотрите на это голубое небо – это самое мирное небо во всей Европе! Везде есть опасность появления шпионских беспилотных приборов, террористы взрывают **Европу**, проблемы с мигрантами. А у нас самая спокойная обстановка. Конечно, и к нам пробираются отдельные диверсанты, злые люди, но у нас всегда была мощная тайная политическая полиция – их всегда вовремя арестовывали. (В. В. Жириновский, 23.02.2018)*

Что касается британских политиков, то они чаще всего сопоставляют цифры, статистические данные и собственные достижения:

- (4) *We saw the figures this morning for GDP in Scotland. In the third quarter GDP in Scotland grew by 0.2%, in the rest of the UK it grew by 0.4%. Over the last year Scotland grew by 0.6%, in the UK as a whole it grew 1.7%. My analysis? 1.7 is more than 0.6, you're better off with the Conservative government than an SNP one. (Т. Май, 17.01.2018)*

Сегодня утром мы увидели показатели по ВВП Шотландии. В третьем квартале ВВП Шотландии вырос на 0,2%, в остальной части Великобритании он вырос на 0,4%. За последний год ВВП Шотландии

вырос на 0,6%, в Великобритании в целом он вырос на 1,7%. Мой анализ? 1,7 больше, чем 0,6, вам лучше с консервативным правительством, чем с шотландской национальной партией.

Тактика указания на перспективу, как и тактика иллюстрирования, используется всеми анализируемыми нами политиками, однако британские и российские политики в качестве иллюстрации снова чаще используют цифры, факты и собственные достижения:

- (5) *And you can recall that there are nearly 25 million people in jobs compared with only about 18 million in the 1930s. You can point out that the Labour party conveniently overlooks the fact that of the 2 million unemployed for which they blame us, nearly a million and a half were bequeathed by their Government. (M. Thatcher, 10.10.1980)*

И вы можете вспомнить, что на рабочих местах около 25 миллионов человек по сравнению с примерно 18 миллионами в 1930-х годах. Вы можете указать, что лейбористская партия просто упускает из виду тот факт, что из 2 миллионов безработных, за которые они нас обвиняют, почти миллион с половиной были завещаны их правительством.

Пример тактики иллюстрирования из выступления В.В. Путина:

- (6) *Но всё-таки у нас ВВП вырос на 75 процентов с 2000 года; промышленное производство – на 60; перерабатывающая промышленность росла ускоренными темпами. Соответственно, 70 процентов ... с начала 2000-х реальная заработная плата выросла в 3,5 раза, пенсия реальная – в 3,6 раза, младенческая смертность сократилась в 2,6 раза, материнская – в четыре раза... сейчас у нас посмотрите какая армия. У нас долги сократились в три раза, а резервы страны выросли в 30 раз. (В.В. Путин, 14.12.2017)*

Арабские политики, как показал наш материал, при использовании данной тактики часто обращаются не к цифрам, а к историческим и религиозным событиям, авторитетным личностям. Например, выступая 17.01.2003 в Ираке, Саддам Хуссейн начинает свою речь цитатой из Корана и произносит следующее:

- (7) *(Это – те), которым сказали люди: «Вот, люди собрались против вас (чтобы вернуться и уничтожить вас), так бойтесь же их!» – но это только увеличило в них веру, и они сказали: «Достаточно нам Аллаха, Он – прекрасный Покровитель!» (173). И они вернулись (обратно в Медину) с благодатью от Аллаха и щедростью, не коснулось их плохое, и последовали они за благоволением Аллаха (своим повиновением Ему и Его посланнику). И (ведь поистине) Аллах –*

обладатель великой щедрости! (174). (Коран, сура 3:173, 174, 175, 176, перевод И.Ю. Крачковского). (Саддам Хуссейн, 17.01. 2003).

الَّذِينَ قَالَ لَهُمُ النَّاسُ إِنَّ النَّاسَ قَدْ جَمَعُوا لَكُمْ فَاخْشَوْهُمْ فَزَادَهُمْ إِيمَانًا وَقَالُوا حَسْبُنَا اللَّهُ وَنِعْمَ الْوَكِيلُ (173)، فَأَنْقَلَبُوا بِنِعْمَةٍ مِّنَ اللَّهِ وَفَضْلٍ لَّمْ يَمَسَّ لَهُمْ سُوءٌ وَأَتَّبَعُوا رِضْوَانَ اللَّهِ وَاللَّهُ ذُو فَضْلٍ عَظِيمٍ (174).

Выбор данного аята не случаен. Саддам Хуссейн выбрал аят, в котором упоминается то, что против конкретного народа собрались многие народы, намекая на то, что против Ирака выступают 34 страны. После войны были объявлены санкции против Ирака. Важно отметить, что в результате этих санкций Ирак стал сильнее на военном уровне, так как сама страна стала производить оружие. Поэтому он цитирует данный аят, указывая на то, что Ираку не навредили, как говорится в аяте *لَّمْ يَمَسَّ لَهُمْ سُوءٌ* (букв.: *не коснулось их плохое*). Интересно, на наш взгляд, отметить, что это откровение было ниспослано после битвы при горе Ухуд, которая расположена в северо-западной части Аравийского полуострова и в 625 г., находилась между мусульманами Медины во главе с пророком Мухаммадом и курайшитами из Мекки. Битва при Ухуде стала реваншем курайшитов за битву при Бадре, выигранную мусульманами в 624 году. Для реванша курайшиты собрали всех своих союзников, в результате чего их стало намного больше. Здесь мы видим, что оратор провел аналогию между условиями, в которых он находился, и условиями, в которых находился пророк Мухаммед, а также поставил себя и свой народ на одну позицию с пророком и мусульманами в то время.

По нашим наблюдениям, использование **тактики обоснованных оценок** характерно в большей степени для британских политиков:

- (8) *Over the next five years we will deliver the following things: full employment, the most competitive corporate taxes in the G20, eliminating the budget deficit through spending cuts, not tax rises, building 100,000 new Starter Homes.* (D. Cameron, 01.10.2014) (на конференции консервативной партии).

В течение дальнейших пяти лет мы выполним следующие действия: полная занятость населения, самые конкурентоспособные корпоративные налоги в G20. Устранение дефицита бюджета путем сокращения расходов, а не повышения налогов. Строительство 100 000 новых домов для молодых семей.

В своей речи Д. Кэмерон, оценивая экономическую ситуацию в стране, говорит о полной занятости населения, самых конкурентоспособных налогах в странах Большой двадцатки, устранении дефицита бюджета, что будет достигнуто в ближайшие 5 лет. Политик называет конкретное время и приводит конкретные цифры.

В ходе анализа мы обнаружили единичные примеры применения данной тактики в выступлениях российских и особенно арабских политиков.

Агитационная стратегия убеждения в нашем материале использовалась всеми анализируемыми нами политиками, включая тактики, через которые она реализуется – обещания и призыва. Однако здесь также существует ряд различий, касающихся как частотности, так и способов ее реализации. В целом агитационная стратегия в наибольшей степени характерна для арабского ПД, в меньшей степени она встречается в английском ПД, русский ПД в этом отношении занимает срединное положение.

Тактика обещания в английском ПД в основном реализуется с помощью глаголов будущего времени, часто с местоимением первого лица единственного числа: *I will do, I will set, I will defend*, что является отражением индивидуалистической культуры. Например:

(9) *England, Scotland, Wales, Northern Ireland – we are one nation and I will defend our Union with everything I have got.* (D. Cameron, 07.10.2015).

Англия, Шотландия, Уэльс, Северная Ирландия, мы – одна нация, и я буду защищать наш Союз всем, чем смогу.

В русском политическом дискурсе политики используют глаголы совершенного вида в будущем времени (*сделаю, сделаем*) или глаголы несовершенного вида в сложном глагольном сказуемом (*будем продолжать, будем строить, будем создавать*), отдавая предпочтение *мы*-конструкциям:

(10) **Мы будем наращивать** этот потенциал, **концентрировать** эти возможности на решении тех масштабных задач, которые стоят перед страной в экономике, в социальной сфере, в инфраструктуре. И такое уверенное долгосрочное развитие России всегда **будет надёжно защищено**... конечно, **мы ещё будем заниматься** доводкой, развитием, совершенствованием наших новейших систем оружия. (В. В. Путин, 01.03.2018).

В арабском ПД данная тактика часто реализуется с помощью перформативного глагола *عاهد* (*обещать*) часто в сочетании с тактикой единения:

(11) **Мы обещаем вам от имени иракского руководства и от имени великого иракского народа – народа цивилизации, истории и веры - и от имени его героической армии, что мы будем сопротивляться оккупантам**... (Саддам Хусейн, 21.03.2003).

اننا نعهدكم باسمنا وباسم القيادة العراقية وباسم شعب العراق العظيم وجيشه البطل في عراق الحضارة والتاريخ والايمان، باننا سنقاوم الغزاة...

Для реализации второй тактики агитационной стратегии – **тактики призыва** – британские политики часто используют сочетание (*let us*) и формальную конструкцию с модальным глаголом *may* (*may our nations..., may I...*), избегая прямого побуждения на адресата:

- (12) *Let's welcome that diversity, instead of trying to snuff it out. Let's stop all this talk of two-speed Europe, of fast lanes and slow lanes, of countries missing trains and buses, and consign the whole weary caravan of metaphors to a permanent siding. Instead, let's start from this proposition: we are a family of democratic nations.* (D. Cameron, 23.01.2013)

Давайте приветствовать это разнообразие, вместо того, чтобы пытаться его уничтожить. Давайте остановим весь этот разговор о двухскоростной Европе, о быстрых дорожках и медленных полосах, о странах, не имеющих поездов и автобусов, и передадим весь усталый караван метафор на постоянное объединение. Вместо этого давайте начнем с этого предложения: мы - семья демократических наций.

- (13) *Members of Congress, may our two kindred nations go forward together sharing Lincoln 's vision, firm of purpose, strong in faith, warm of heart, as we approach the third millenium of the Christian era.* (M. Thatcher, 20.02.1985).

Члены Конгресса, пусть наши две родственные нации продолжают вместе идти вперед, разделяя заветы Линкольна быть твердыми в вере, сильными в предназначении и добросердечными, так как мы приближаемся к третьему тысячелетию христианской эры.

В русском языке тактика призыва в основном реализуется более прямо – с помощью перформативных глаголов (*призываем, призываю, прошу* и др.) и глаголов в повелительном наклонении:

- (14) *Призываем прекратить блокировать эти положения «...» призываем сказать «нет» милитаризации информационного пространства.* (С.В. Лавров, 21.09.2017) (На Генеральной Ассамблее ООН).

Мы также заметили, что для реализации тактики призыва российские и, в еще большей степени, арабские политики, помимо вербальных средств, часто используют и невербальные. В примере 15 Путин призывает Америку и Европу садиться за стол переговоров для решения накопившихся проблем. В своем обращении к Федеральному собранию он говорит следующее:

- (15) *Конечно, каждое слово имеет значение, потому что речь шла именно о возможности обхода рубежей перехвата. Для чего мы это всё делали? Для чего мы это говорили? Мы не делали, как видите, никакой тайны из наших планов, а говорили об этом открыто и для того, чтобы прежде всего побудить наших партнёров к переговорам. Повторяю, это был 2004 год. Даже удивительно, но, несмотря на все проблемы, с которыми мы сталкивались в экономике, в финансах, в оборонной промышленности, в армии, всё-таки Россия оставалась и остаётся крупнейшей ядерной державой. Нет, с нами никто по существу не хотел разговаривать, нас никто не слушал. **Послушайте сейчас!*** (В.В. Путин, 01.03.2018)

В данном примере тактика призыва представлена глаголом в форме повелительного наклонения (*послушайте*). Важно отметить, что во время произнесения данного высказывания, как показывает фотография 1, у Путина поднят и немного наклонен вперед указательный палец. В данном случае этот жест означает угрозу и используется для оказания большего убеждающего воздействия на слушателей. Мы здесь также наблюдаем риторические вопросы, которые используются политиком как аргумент (*Для чего мы это говорили?*), будто оратор говорит: *«Мы вас уже предупреждали»*.

Фото 1: В.В. Путин, 2018 г

В арабском ПД для реализации тактики призыва политики часто используют прецедентные тексты, обращаются к религиозным событиям и ценностям, приводя цитаты из Корана. Следующий пример (16) взят из речи Саддама Хусейна после объявления Америкой войны против Ирака. Одетый в военную форму (фотография 2), Саддам Хусейн прочитал следующее стихотворение:

(16) (Букв.: *Отпусти к ней (к войне) меч без опасения и страха; отпусти его и пусть Сатурн станет свидетелем*).

Отпусти к ней меч, враг к нему спешит;

а его остановит только тот, кто является героем и мыслителем.

Спусти крючок, и пусть огонь пылает;

его боится тот, кто является порабощённым и предателем.

(Абдул Раззак Абдул Вахид – иракский поэт). (Из речи Саддама Хусейна, 21.03.2003)

Фото 2: Саддам Хусейн, 2003 г

اطلق لها السيف لا خوف ولا وجل ...

اطلق لها السيف وليشهد لها زحل

اطلق لها السيف قد جاش العدو له...

فليس يثنيه الا العاقل البطل

واقدح زنادك وابق النار لاهبة...

يخافها الخاسئ المستعبد النذل

В данном выступлении Саддам Хусейн эмоционально призывает своих солдат воевать против врагов. С помощью стихотворения его призыв приобретает выразительность и высокую

экспрессивность, что оказывает эмоциональное воздействие на аудиторию. Тот факт, что во время своего выступления президент был одет в военную форму, как видно на фотографии 2, имеет, на наш взгляд, немаловажное значение, так как тем самым оратор демонстрирует свою готовность к оказанию военного сопротивления.

Частое использование элементов интертекстуальности – стихов, отрывков из литературных произведений и религиозных книг, цитат, крылатых выражений и т.д. – для реализации стратегий и тактик убеждения в целом, по нашим наблюдениям, является ярко выраженной особенностью арабского ПД. Как правило, арабские политики начинают и заканчивают свои выступления цитатами из священных писаний. Важно отметить, что, поскольку арабский мир много конфессиональный, в целях расширения своей аудиторий арабские политики вне зависимости от вероисповедания могут цитировать любую священную книгу (Коран, Библию или Тору). Например, выступая в израильском Кнессете, Аль-Садат произнес следующее:

(17) *Почему бы нам не верить в мудрость Творца, которая фигурирует в притчах Соломона мудрого?*

«Коварство – в сердце злоумышленников, радость – у миротворцев». (Ветхий завет, глава 12, стих 20).

«Лучше кусок сухого хлеба и с ним мир, нежели дом, полный заколотого скота, с раздором». (Ветхий завет, глава 17, стих 1) (Аль-Садат, 20.11.1977) (В израильском Кнессете).

لماذا لا نؤمن بحكمة الخالق، التي أوردتها في أمثال سليمان الحكيم؟
العش في قلب الذين يفكرون في الشر. أما المبشرون بالسلام، فلهم فرح.
لقمة يابسة، ومعها سلامة، خير من بيت مليء بالذبائح، مع الخصام.

Аль-Садат упоминает здесь важную для евреев личность – пророка Соломона. Он пытается убедить членов израильского Кнессета в том, что мир – это единственное решение конфликта. Для того, чтобы его речь повлияла на эмоции аудитории, он цитирует две притчи Соломона и использует их в качестве риторического вопроса. Мы заметили, что при цитировании повышается выразительность и экспрессивность речи президента.

Среди других особенностей арабского политического дискурса нами были замечены различные виды повтора (анафора, эпифора), метафоричность, образность, синтаксический параллелизм, частое использование риторических вопросов, риторических восклицаний, что придает яркую эмоционально-экспрессивную окраску, являющуюся отличительной особенностью как арабского политического дискурса, так и арабского стиля коммуникации в целом. В качестве примера рассмотрим фрагмент из выступления Ясера Арафата на Генеральной Ассамблее ООН в 1974 г.:

(18) *Я пришел к вам с оливковой ветвью в одной руке и оружием борца за свободу – в другой. Не дайте оливковой ветви выпасть из моей руки! Не дайте оливковой ветви выпасть из моей руки! Не дайте оливковой ветви выпасть из моей руки!* (Ясер Арафат, 1974) (На Генеральной Ассамблее ООН).

جئتم يا سيادة الرئيس حاملا غصن الزيتون بيدي
 وبنندقية الثائر بيدي الأخرى , فلا تسقطوا الغصن
 الأخضر من يدي ... لا تسقطوا الغصن الأخضر من يدي
 ... لا تسقطوا الغصن الأخضر من يدي.

Фото 3: Ясер Арафат на ГА ООН, 1974 г.

В данном фрагменте, Арафат призывает всемирную организацию исполнить свои обязанности по отношению к палестино-израильскому конфликту. В высказывании используются различные стилистические средства. Сначала Арафат использует две метафоры – *оливковая ветвь* (символ мира) и *оружие борца за свободу* (символ силы и борьбы), образующие противопоставление контрастивных понятий, т.е. антитезу – *война и мир*. Таким образом он показывает, с одной стороны, свои намерения мирного разрешения конфликта, а с другой – готовность к вооруженной борьбе. Далее Арафат использует метафорическое риторическое восклицание и просит поддержать первое решение (мирно решить конфликт): ***Не дайте оливковой ветви выпасть из моей руки!*** Однако он произносит эту фразу трижды, повышая при этом голос, что придает ей иное прагматическое значение – угрозу и предупреждение, что усиливает степень воздействия на аудиторию. Во время произнесения данной фразы, как показывает фотография 3, у Арафата поднят и немного наклонен вперед указательный палец. Данный жест в арабской культуре означает угрозу. Таким образом, для передачи своего коммуникативного намерения он использует мультимодальные средства коммуникации, которые в комплексе оказывают максимальное воздействие на аудиторию, что производит ожидаемый эффект – слова Арафата вызвали бурные аплодисменты делегатов, присутствовавших в зале Генассамблеи.

Еще одной важной особенностью арабского ПД, которая требует отдельного дальнейшего рассмотрения, является выбор между диалектом и литературным арабским языком, который определяет весь стиль коммуникации. Переход на диалект, часто совершаемый арабскими политиками, снижает формальность речи, способствует реализации тактики единения, повышает ее экспрессивность и оказывается важным средством воздействия на аудиторию.

Что касается английского ПД, то, по нашим наблюдениям, он обладает меньшей эмоционально-экспрессивной окраской, что проявляется на всех уровнях коммуникации. Однако, хотя использование невербальных средств воздействия в целом не столь характерно для британских политиков, мы заметили, что некоторые невербальные семиотические знаки ими используются. Так, Т. Мэй – вторая

Фото 4: Т. Мэй (2018) и М. Тэтчер (1990)

женщина премьер-министр, на наш взгляд, часто имитирует М. Тэтчер – первую женщину премьер-министра Великобритании, что проявляется как в манере ее выступлений, так и во внешнем виде, в том числе в одежде, что видно на фотографии 4. Тем самым она использует славу и влияние своей предшественницы для оказания воздействия на аудиторию.

Сопоставительный анализ языковых средств показал, что все три рассматриваемые группы политиков используют различные языковые средства, однако нами было замечено, что в английском ПД чаще встречаются анафора, эпифора и синтаксический параллелизм; в русском – метафора, метонимия и эпитет; в арабском – метафора, антитеза и метонимия. При этом частотность использования средств экспрессивности самая высокая в выступлениях арабских политиков. Наши данные подтверждают мнение исследователей арабского дискурса о том, что арабофоны, в значительной степени отличаются эмоциональной формой речевого общения, в котором ярко проявляются их национально-психологические и этнокультурные особенности, что находит выражение в эмоциональной насыщенности речи⁷.

В ходе исследования было показано, что арабские политики намного более эмоциональны, чем их российские коллеги, а российские в свою очередь более эмоциональны по сравнению с британскими, что подтверждается использованием как вербальных, так и паравербальных и невербальных средств воздействия.

В ходе сопоставительного анализа мы также обратили внимание на различия в речевом акте Обращение. Мы обнаружили, что обращения британских, российских и арабских политиков различаются, как по степени формальности, так и по использованию тактик, в частности тактики

⁷ **Крылов А.Ю.** Риторические фигуры арабов как средство воздействия на аудиторию // Проблемы общей и востоковедной лингвистики 2014. В мире арабского языка. К 90-летию со дня рождения Г.Ш. Шарбатова: Труды научной конференции. Институт востоковедения РАН 22 октября 2014 г. / Отв. ред. З.М. Шаляпина. Сост., научн. ред. А.С. Панина, А.А. Блинов. — М.: Институт востоковедения РАН, 2016. С. 152 – 159. **Шагаль В.Э.** Арабский мир: пути познания. Межкультурная коммуникация и арабский язык. – М., Институт востоковедения РАН, 2001.

солидарности (единения). Обращения британских политиков отличаются крайне высокой степенью формальности. Чаще всего это *Ladies and gentlemen* (дамы и господа), *the right honorable gentleman / lady* – (достопочтенный джентльмен /достопочтенная леди). Российские политики используют как официальные формулы обращений – *Уважаемые граждане России, уважаемые сограждане*, так и неформальные – *дорогие друзья*. При этом, как видим, используется тактика единения (*граждане России, сограждане*), которая отсутствует в английском ПД. В арабском ПД официальные формулы обращения хотя и встречаются *سيداتي ساداتي* (букв.: Дамы и господа), они менее характерны. Здесь широко применяется тактика сближения, единения, для чего используются термины родства и притяжательное местоимение первого лица *موي* – *اخوتي واخواتي* (букв.: *Мои братья и сестры*), *ابناء وبنات شعبي العزيز* – (букв.: *Сыновья и дочери моего дорогого народа*). Данные факты являются ярким проявлением культурных различий, свидетельствующих о том, что русская культура и, в еще большей степени арабская, относятся к *мы-культуре*, для которой характерна *мы-идентичность* (см. [Ларина, Озюменко 2016, Larina et al. 2017])⁸.

Данный вывод подтверждает еще одно наблюдение, касающееся частотности употребления местоимений первого лица единственного и множественного числа. Оно показало, что британские политики, как уже отмечалось, часто употребляют местоимение первого лица (*I – I promise, I will do, I will defend*), что в очередной раз свидетельствует об их *я-ориентированности*, характерной для представителей *я-культуры*. Российские политики и, в еще большей степени, арабские часто употребляют местоимение множественного числа *мы* (*мы обещаем, мы согласны, мы просим*) и лексические маркеры единения (*сограждане, наше единство, мы вместе, наша нация, наш народ*), что свидетельствует об их *мы-ориентированности* и принадлежности к *мы-культуре*.

Отдельно нами была рассмотрена также степень ритуализованности дискурса, которая, как показал сопоставительный анализ, также имеет свои особенности. Анализ обширного материала позволяет нам сделать вывод о том, что стиль британских политиков ритуализован в наименьшей степени. Можно сказать, что идиостиль отдельных политиков характеризуется большой свободой, так как у каждого политика есть свой стиль коммуникации. В русском политическом дискурсе существует некая система правил, в рамках которой находятся политики, однако эти правила могут нарушаться, как, например, в случае с Жириновским, идиостиль которого отличается от стилей других российских политиков высокой эмоциональностью и неформальностью. В арабском политическом дискурсе стиль политика крайне ритуализован. Политический дискурс строится по строгим правилам и традициям, которым должен следовать политик. Здесь

⁸ Larina, Tatiana V., Ozyumenko, Vladimir I., Kurteš, Svetlana. I-identity vs we-identity in language and discourse: Anglo-Slavonic perspectives *Lodz Papers in Pragmatics*. Vol. 13, issue 1, 2017. P. 109 – 128.

считается, что успешное выступление в первую очередь должно содержать цитаты из Корана, сунны, литературных текстов, используемых как в качестве аргументов, так и средств эмоционального воздействия. Можно сказать, что религиозные ценности являются своего рода конституирующим компонентом арабского политического дискурса, а обращение к ним – его важной отличительной чертой.

Частое обращение арабских политиков к религиозным текстам, что объясняется их особой важностью для арабского мира, позволило нам выделить *обращение к религиозным ценностям* в качестве еще одной стратегии убеждения. При этом, по нашему мнению, она занимает промежуточное место между аргументативной и агитационной стратегией, сочетая в себе тактики и той, и другой, так как она оказывает как когнитивное, так и эмоциональное воздействие на аудиторию.

Результаты комплексного сопоставительного анализа средств, используемых для реализации стратегии убеждения, позволили сделать вывод о том, что, хотя каждый политик обладает своим идиостилем, можно выделить некоторые общие черты, которые характеризуют тот или иной национальный политический дискурс в целом.

Наши данные свидетельствуют о том, что:

для английского политического дискурса характерны:

- высокий уровень формальности, что проявляется в формулах обращения и избегании прямого воздействия на аудиторию;
- непрямолнейность, ограничивающая употребление прямых форм воздействия, в частности императива и перформативных глаголов;
- эмоциональная сдержанность;
- ограниченное использование паравербальных и невербальных средств коммуникации;
- преобладание когнитивного воздействия над эмоциональным;
- низкий уровень ритуализованности;

для русского политического дискурса характерны:

- более низкий, по сравнению с английским, уровень формальности;
- бóльшая, по сравнению с английским, степень эмоциональности;
- более свободное использование паравербальных и невербальных средств коммуникации;
- допустимость прямолинейности, что проявляется в употреблении императива;
- использование как когнитивного, так и эмоционального воздействия;
- средний уровень ритуализованности;

для арабского политического дискурса характерны:

- низкая степень формальности и официальности, которая проявляется в формулах обращений и в переходе от литературного арабского языка к диалекту;

- высокий уровень эмоциональности и экспрессивности, что создается использованием как вербальных, так и паравербальных и невербальных средств воздействия;
- преобладание эмоционального воздействия над когнитивным;
- интертекстуальность, проявляющаяся в широком использовании фрагментов литературных и религиозных текстов;
- высокая степень ритуализованности, обусловленная значимостью религиозных ценностей.

В **Заключении** подводятся итоги проведенного исследования с их кратким описанием и намечаются перспективы дальнейшего изучения вопроса.

В ходе анализа выявлено, что стратегии, тактики и средства реализации стратегии убеждения в политическом дискурсе варьируются в зависимости от языка, идиостиля и национально обусловленных моделей политиков. В связи с этим изучение стратегий, тактик и средств политического дискурса в разных языках и знание этнокультурных особенностей политического дискурса имеют важное значение для межкультурной коммуникации на уровне международных отношений, так как способствуют пониманию намерений сторон политического диалога и принятию адекватных решений.

Основные положения диссертации были отражены в пяти статьях, четыре из которых опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Муслех Хусам А.Р. Особенности политического дискурса в английском языке // *Успехи современной науки и образования*. 2016. – №9. Т. 4. – С. 75 -78.

2. Муслех Хусам А.Р. Стилистические средства воздействия в русском политическом дискурсе (на материале выступлений министра иностранных дел России С. В. Лаврова) // *Известия Воронежского государственного университета*. 2017. № 4 (277). С. 189 -192.

3. Муслех Хусам А.Р. Стратегия убеждения в речах палестинского лидера Ясера Арафата // *Политическая лингвистика*. 2018. – № 1. – С. 87-97.

4. Кобылко Я., Муслех Хусам А.Р. Стратегия убеждения, формирующая семантические значения политической терминологии // *Филологические науки. Вопросы теории и практики* (ISSN 1997-2911) – № 6. – часть 2/2018. – С. 84-90.

5. Муслех Хусам А.Р. Стилистические средства как способ воздействия в русскоязычном политическом дискурсе // *Наука в современном информационном обществе*. 2018. – С. 145-154.

**Муслех Хусам А Р
(Палестина)**

Стратегия убеждения в политическом дискурсе (на материале выступлений британских, российских и арабских политиков)

Диссертация посвящена сопоставительному исследованию стратегии убеждения в английском, русском и арабском политическом дискурсе. В результате комплексного сопоставительного анализа, проведенного с позиций мультимодельности, была определена этнокультурная специфика способов и средств реализации стратегии убеждения и предпринята попытка объяснить ее через особенности культуры, менталитета и этнокультурных стилей коммуникации. В ходе исследования выявлено, что соотношение способов и средств, служащих для реализации стратегии убеждения в политическом дискурсе дифференцируется в зависимости от языка, идиостиля, а также культурно обусловленных моделей политиков.

Результаты и выводы могут найти применение при разработке лекционных и практических курсов по дискурс-анализу, лингвопрагматике, стилистике, лингвокультурологии, риторике и теории коммуникации. Они могут быть использованы в практике преподавания иностранных языков и межкультурной коммуникации.

**Husam A. R. Musleh
(Palestine)**

The strategy of persuasion in political discourse (based on the speeches of British, Russian and Arab politicians)

The thesis is devoted to a comparative study of the persuasion strategy in English, Russian and Arab political discourse. As a result of a complex comparative analysis based on multimodality we revealed culture specific ways and means of implementation of the persuasion strategy and attempted to explain them through the features of culture, mentality and ethno-cultural styles of communication. The study revealed that the ratio of methods and means serving to implement the strategy of persuasion in political discourse varies depending on language, personal style, as well as culturally conditioned styles of politicians.

The results and conclusions can be used for lecture and practical courses on discourse analysis, pragmatics, stylistics, language and culture, rhetoric and communication theory. They can be applied in the practice of teaching foreign languages and intercultural communication.